

ИЗ ИСТОРИИ НОБЕЛЕВСКИХ ПРЕМИЙ МИРА

И. А. Дьяконова

Нобелевские премии, выдаваемые регулярно с 1901 г., — крупные денежные награды международного звучания. Получили они свое наименование по фамилии инициатора их учреждения Альфреда Бернхарда Нобеля, шведского промышленника, инженера-химика и изобретателя, умершего 10 декабря 1896 г. в 63-летнем возрасте в Сан-Ремо (Италия). Обладая к концу жизни огромным имуществом в ряде стран, в том числе в России, Англии и Германии, А. Нобель оставил после себя завещание, зарегистрированное 27 ноября 1895 г. в Париже, где он тогда проживал¹, заслужив к тому времени такие прозвища, как «самый богатый бродяга Европы» и «торговец смертью». Подлинник завещания был написан лично завещателем на шведском языке. Секретарь А. Нобеля Б. фон Кински, вышедшая в дальнейшем замуж за А. фон Зутнера и получившая известность под именем баронессы Б. фон Зутнер в качестве автора буржуазно-пацифистского романа «Долой оружие» (1889 г.), отметила в связи с награждением ее Нобелевской премией мира в 1905 г.: Нобель, «будучи шведом по рождению и владея русским языком в качестве второго родного, безукоризненно правильно и красиво составлял бумаги на немецком, французском и английском языках»². В ходе развернутого А. Нобелем широкого бизнеса в различных странах он был не прочь щегольнуть не только отличным владением несколькими языками (написав на них ряд несложных пьес и стихотворений), но и своей «международностью». «Моя родина везде, где я действую, а действую я везде»³, — заявил этот мультинациональный «динамитный король», организатор двух международных трестов по производству взрывчатых веществ. Впрочем, на широковещательные с привкусом демагогии заявления А. Нобель вообще не скупился. Так, уже под конец жизни, 29 сентября 1896 г., будучи одним из богатейших людей мира, он объявил: «Я в сущности социал-демократ, хотя и умеренный»⁴. Тем самым он как бы старался избавиться от метко прилипшего к нему титула «торговец смертью».

В облике А. Нобеля своеобразно сочетались черты космополита и шведского националиста, причем систематическая многомиллионная нажива на фабрикации взрывчатых веществ в 20 странах без особых трудностей уживалась в нем со спорадическими буржуазно-пацифистскими жестами вроде присутствия на Всемирном конгрессе мира 1889 года. Многие стороны его деловой активности и даже некоторые изобретения (например, бесшумный аппарат для безболезненного самоубийства, выродившийся впоследствии в прототип электрического стула) не могут быть поняты без учета некоторых его личных особенностей, таких, как слабое с самого детства здоровье и усугубляющаяся с годами пессимистическая неврастения.

Завещание А. Нобеля, отменявшее все предшествовавшие, было далеко не первым, причем в каждом из документов последовательно уменьшалась доля наследства, отводимая родственникам и друзьям. Впервые о намерении оставить после смерти часть состояния не отдельным лицам, а на определенные цели А. Нобель публично заявил в одном из своих интервью 1890 г.: «Я собираюсь оставить после себя крупную сумму на поощрение идеалов мира, хотя и отношусь скептически к возможным результатам. Ученые напишут прекрасные книги, появятся лауреаты мира, а войны будут продолжаться все так же, пока сила обстоятельств не сделает их невозможными»⁵. Какую именно «силу обстоятельств» имел в виду Нобель, он в данной беседе не уточнил. Но

¹ «Alfred Nobel och hans släkt. Minnesskrift utgiven av Nobelstiftelsens styrelse». Stockholm. 1926. s. 253.

² N. Halasz. Nobel. N. Y. 1959, p. 113.

³ E. Berggren. Alfred Nobel. The Man and His Work. L. 1962, p. 71.

⁴ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 252.

⁵ O. J. Falnes. Norway and the Nobel Peace Prize. N. Y. 1938, p. 11.

другие документы позволяют выяснить этот вопрос. Речь у него шла вовсе не о решающем вмешательстве трудящихся масс в разрешение проблем войны и мира. К народным массам он относился с едва скрываемым презрением, высказываясь, в частности, против всякого расширения демократии из опасения, что это в конечном счете может привести, по его выражению, к «диктатуре подонков населения»⁶. А. Нобель выступал также против всеобщего и равного избирательного права, требуя его ограничения цензами. А к человечеству в целом он относился довольно иронически, приравнивая его к «разношерстной своре двуногих бесхвостых обезьян, носящихся на земном шаре по мировому пространству»⁷.

Рассмотрение вопросов войны и мира А. Нобель считал нужным сосредоточить только в руках научной и правящей элиты: «Народы безумны почти целиком, правительства же — не более, чем наполовину»⁸. Он активно пропагандировал заносчивые технократические претензии из предсмертного (1871 г.) письма своего отца Э. Нобеля: «Я работаю сейчас над изобретением, которое сделает меня диктатором в вопросах войны и мира во всем мире, по крайней мере на ближайшие столетия»⁹. В одной из бесед А. Нобель высказывал предположение, что «в тот день, когда две армии будут в состоянии уничтожить друг друга в одну секунду, все цивилизованные нации в ужасе отшатнутся от войны и расформируют армии»¹⁰. Баронессе фон Зутнер, придававшей определенное значение систематическому созыву буржуазно-пацифистских конгрессов во имя сентиментального оплакивания и посильного смягчения зверских сторон войны, он без обиняков заявил: «Мои заводы и лаборатории, возможно, смогут положить предел войнам скорее, чем ваши конгрессы»¹¹. А. Нобель был своеобразным предвестником демагогических теорий максимального взаимного устрашения государств путем небезвыгодного для промышленных магнатов постоянного роста военных бюджетов в качестве мнимой панацеи от развязывания войны.

В 90-е годы XIX в. А. Нобель, заимствовав ранее некоторые изобретения русско-го химика Н. Н. Зинина, вплотную интересовался не только взрывчатыми веществами. Думал он и о разработке методов бактериологической войны, направленной против мирного населения, и мотивировал это следующим образом: «Повесьте такой дамочек меч над головой у всех и у каждого, и вы увидите чудо — войны закончатся очень скоро»¹². Материальная поддержка А. Нобелем подготовки экспедиции С. Андрэ к Северному полюсу на воздушном шаре была тесно связана с возникшим у него интересом к возможности фотографирования с воздуха. Развитию науки и техники А. Нобель придавал самодовлеющее и доминирующее значение, ожидая от быстрого и всестороннего научно-технического прогресса, но в рамках буржуазного строя и при сосредоточении власти в руках избранной элиты, решения многих проблем человечества, в том числе проблемы обеспечения международного мира. Правда, иногда у него появлялись в связи с разработкой методов «научной» войны некоторые сомнения насчет того, не окажется ли подобный «путь к миру» всеобщим кладбищем: «Опасаясь, что вечному миру, о котором говорил Кант, будет предшествовать мир могилы»¹³.

Эти сомнения нашли отражение в последовательных изменениях текста завещаний. В предпоследнем, составленном в марте 1893 г., примерно 20% состояния предназначалось родственникам и знакомым, 63% — Академии наук в Стокгольме, а из остальных 17%, распределенных между рядом учреждений, лишь незначительная доля приходилась на помощь сторонникам мира в лице Общества друзей мира в Вене¹⁴, где проживала очаровавшая его цветочница С. Гесс, достаточно свободно распоряжавшаяся деньгами А. Нобеля в течение многих лет. Затем она вышла замуж, а после смерти А. Нобеля шантажировала органы по присуждению Нобелевских премий наличием у нее 216 его интимных писем, претендуя на наследство в качестве жены.

⁶ Ibid., p. 6.

⁷ N. H a l a s z. Op. cit., p. 216.

⁸ O. J. F a l n e s. Op. cit., p. 6.

⁹ R. S o h l m a n, H. S c h ü c k. Nobel: Dynamite and Peace. N. Y. 1929, p. 47.

¹⁰ O. J. F a l n e s. Op. cit., p. 9.

¹¹ Ibid., p. 8.

¹² Ibid., p. 9.

¹³ Ibid.

¹⁴ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 250.

Последнее завещание выглядело иначе, чем завещание 1893 года. Сказались как разочарование в перспективности личных взаимоотношений («Друзей можно приобрести только среди собак и могильных червей, да и те заинтересованы лишь в собственном насыщении»¹⁵), так и возросшая озабоченность необозримыми потенциальными последствиями войны мирового масштаба, притом без решительного научно-технического преобладания одной из воюющих сторон. Как бы призывая собственную несостоятельность перед лицом подобных проблем, он составил о себе самом следующую эпитафию: «Альфред Нобель, жалкий получеловек, который в сущности заслуживал лишь того, чтобы какой-нибудь человеколюбивый врач умертвил его вскоре после рождения»¹⁶. В последнем завещании¹⁷ он поместил скромный перечень персональных денежных выдач, придя еще раньше к выводу, что получение больших денег по наследству «способствует отуплению человеческого рода»¹⁸. После перечня указывалось следующее назначение: капитал, обращенный душеприказчиками в надежные ценные бумаги, составит фонд, рента с которого выдается ежегодно в награду тем, кто в течение предыдущего года оказал человечеству наибольшие услуги. Рента разделяется на пять равных частей, которые выдаются: одна часть — тому, кто сделал важнейшие открытия или изобретения в области физики; одна часть — тому, кто сделал важнейшие химические открытия и улучшения; одна часть — тому, кто сделал важнейшие открытия в области физиологии или медицины; одна часть — тому, кто создал наиболее совершенное в области литературы в идеальном направлении; и одна часть — тому, кто наиболее и лучше других содействовал братскому сближению народов и упразднению или уменьшению стоящих под ружьем армий, а также образованию и распространению конгрессов мира»¹⁹. Кроме того, в завещании предусматривалось: «Моя положительная воля, чтобы принадлежность к той или другой национальности отнюдь не принималась в расчет при присуждении наград, а чтобы награду получал достойнейший, будет ли он скандинавец или нет». «Награды за физику и химию, — указывалось в завещании, — присуждаются Шведской академией наук; за физиологические или медицинские работы — Каролинским институтом в Стокгольме, за литературу — Академией в Стокгольме, а поборникам мира — комиссией из пяти лиц, избираемой норвежским стортингом»²⁰.

Чем же объяснить, что право присуждения Нобелевских премий мира, в отличие от всех остальных учреждавшихся премий, было доверено не шведским институтам, а комитету («комиссии»), избираемому норвежским парламентским органом? Дело в том, что к моменту составления завещания, то есть еще до оформления независимости Норвегии (7 июня 1905 г.), эта страна состояла в многолетней унии со Швецией и признавала власть шведского короля, но имела с 1814 г. свой парламент (стортинг). В течение XIX в. Норвегия все быстрее обгоняла Швецию по развитию океанского судоходства. Поэтому определенные норвежские круги, экономическое влияние которых возрастало, притязали на более значительную роль в решении общеполитических вопросов с ориентировкой норвежской внешней политики на основные мореходные державы. Норвегия, сильнее заинтересованная в мореплавании, чем Швеция, претендовала также на соответствующую организацию консульской сети за границей. Это вызывало натянутые отношения между странами, чуть было не перешедшие в 1895 г. в военное столкновение, которое было предотвращено примирительной позицией норвежского парламента. Именно по свежим следам уступок «проглотившего свою гордость» стортинга и было составлено последнее завещание А. Нобеля, как бы поощрявшее стортинг за столь миролюбивое поведение.

Представляют интерес происхождение и судьбы тех средств, которые были предназначены А. Нобелем на выдачу премий, получивших его имя. Этот капитал был на-

¹⁵ N. K. Ståhle. Alfred Nobel und der Nobelpreis. Stockholm. 1961, S. 6.

¹⁶ Ibid., S. 3.

¹⁷ В ЛГИА сохранилось дело с текстом этого завещания и материалами по его реализации на территории России. Эти документы были обнаружены В. И. Бовыкиным, который любезно предоставил автору этих строк возможность ознакомиться с ними.

¹⁸ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 252.

¹⁹ ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 513, л. 15.

²⁰ Там же.

жит в решающей части благодаря связям его обладателя с «Товариществом нефтяного производства братьев Нобель» («Бранобель»), самой крупной российской нефтяной монополией, дававшей в 1899 г. 17,7% общероссийской (8,6% мировой) добычи нефти и державшей в своих руках 50,1% общероссийского сбыта керосина. Как известно, А. Нобель являлся главой внероссийской ветви промышленной династии Нобелей. Главями же российской ветви были последовательно Людвиг Нобель, а после его смерти — Эммануил Людвигович Нобель. Дядя последнего А. Нобель рано уехал из России за границу²¹ и почти не участвовал в развитии «Бранобеля», но поместил в российский нефтяной бизнес некоторый капитал, хотя и меньший, чем капитал его двух братьев. Первоначальный капитал Нобелей, вложенный затем в нефть, был нажит на реализации в России военных изобретений Э. Нобеля (отца А. Нобеля) и на поставках вооружения царской армии во время Восточной войны 1853—1856 гг. и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Необычайная прибыльность нефтяного бизнеса привела к тому, что к моменту смерти А. Нобеля на его имя скопилось в России собственное, резко превышавшее первоначально вложенный им капитал.

В мае 1897 г. один из столичных судебных приставов Российской империи И. А. Плахов доносил в Петербургскую казенную палату: «Имею честь сообщить, что по определению С.-Петербургского столичного мирового судьи 29 участка, изложенному в исполнительном листе от 16 мая 1897 г. за № 102, охранено мною после смерти шведского подданного инженера Альфреда Нобеля, проживавшего в Выборгской части, 2 участке, по Самсоновской набережной (улице) д. 13/15, движимое имущество, заключающееся в паях и процентных бумагах на сумму 1193600 рублей»²². Сохранился относящийся к тому же периоду журнал описи имущества А. Нобеля, где отмечалось, что от правления «Товарищества нефтяного производства бр. Нобель» получено уведомление о наличии на счету покойного А. Нобеля по книгам этого Товарищества на 1 января 1897 г. еще 1 086 194 руб., из них 492 957 руб. золотом²³. Только упомянутые в этих двух документах суммы дают в итоге 2,27 млн. руб., или по тогдашнему курсу 3,84 млн. шведских крон. Однако этим дело не исчерпывалось, и общая стоимость имущества А. Нобеля в России составляла 5,23 млн. шведских крон, не считая российских ценных бумаг на сумму 1,69 млн. шведских крон, хранившихся им в германских банках²⁴.

Вся причитавшаяся с российской промышленности сумма, за исключением 300 тыс. шведских крон, завещанных А. Нобелем персонально «российскому племяннику» Э. Нобелю — главе «Бранобеля», была передана к 1899 г. российской ветвью нобелевской промышленной династии в фонд Нобелевских премий²⁵. Капитал «Бранобеля» (акционерный, облигационный и запасный) приближался в 1899 г. к 33 млн. рублей. Поэтому выделение суммы в пользу Нобелевских премий, отнюдь не подрывавшее жизнеспособности концерна, не вызвало принципиальных возражений со стороны руководства «Бранобеля». В то же время извлечение капиталов А. Нобеля в фонд Нобелевских премий из двух западных динамитных трестов и других предприятий, в которых он участвовал, натолкнулось на судебные препоны²⁶ и, по сути дела, не было завершено. Достаточно взглянуть в личную переписку Нобелей 1909—1912 гг., когда понадобились свидетельские показания Э. Нобеля о высказываниях его покойного дяди А. Нобеля по поводу финансовых притязаний наследников умершего в 1890 г. П. Барба²⁷, французского капиталиста, министра и крупного афериста, в свое время участвовавшего вместе с А. Нобелем в разорительном строительстве Панамского канала.

Значительная доля находившегося в западных странах состояния А. Нобеля (около 30 млн. шведских крон) оказалась разбазаренной и присвоенной различными компаниями, прихлебателями и просто сутягами. Даже небеспристрастный финансист и

²¹ Подробнее см. И. А. Дьяконова. За кулисами нобелевской монополии. «Вопросы истории», 1975, № 9.

²² ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 513, л. 1.

²³ Там же, л. 5.

²⁴ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 262.

²⁵ См. документы об этом: ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 513.

²⁶ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 262.

²⁷ ЛГИА, ф. 1258, оп. 2, д. 225, лл. 253—255.

историк Э. Бергенгрэн, склонный к возвеличению роли А. Нобеля как шведа, был вынужден признать, что именно решение российской ветви семейства Нобелей о передаче в фонд Нобелевских премий завещанных А. Нобелем средств «явилося решающим фактором того, что Нобелевские премии вообще смогли возникнуть»²⁸. О точности такой оценки дела пришлось сказать и Н. К. Столе²⁹, бывшему в течение ряда лет директором Нобелевского фонда.

Фактическому переливу западных капиталов А. Нобеля в фонд Нобелевских премий препятствовали как некоторые специфические обстоятельства, так и общественное мнение, формируемое буржуазной печатью. После опубликования нобелевского завещания пресса встретила его неблагоприятно, призывая заинтересованных лиц к посильному саботажу. Особенно усердствовала шведская печать, усматривавшая в международном звучании завещания покушение на шведские национальные интересы. Еще большую стойкость в удержании за собой прав фактического использования капиталовложений, завещанных Нобелевскому фонду премий, проявили динамитные тресты Запада. Для растаскивания миллионных богатств А. Нобеля была искусственно создана благоприятная моральная обстановка.

Существовали и иные обстоятельства. Дело в том, что последнее завещание А. Нобеля было написано им без консультации с квалифицированными юристами и с формальной точки зрения имело ряд уязвимых мест. Было неясно, например, какая юридическая инстанция — шведская, французская, российская или какая-либо иная — должна пользоваться правом надзора за выполнением завещания. Нобелевского фонда премий, которому Нобель завещал деньги, еще не существовало, а его создание было доверено завещателем Р. Сульману, шведскому инженеру-динамитчику американской выучки, служившему у А. Нобеля и продолжавшему возглавлять затем в течение нескольких десятилетий руководство «Бофорс», постепенно расширявшегося шведского комбината по производству вооружений, приобретенного А. Нобелем за два года до смерти³⁰. В завещании не было уточнено также, что следует понимать под термином «надежные ценные бумаги», в которые рекомендовалось вложить фонд Нобелевских премий. Р. Сульман же учитывал при решении всех этих вопросов финансовые интересы «Бофорса», тем более, что и сам А. Нобель относился к ним с повышенным вниманием, успев за 1894—1896 г. втрое увеличить основной капитал предприятия. В качестве юридической инстанции надзора признание всех прав было передано провинциальному Карлскупскому областному суду, находившемуся под боком у «Бофорса», а в качестве юриста-исполнителя провели кандидатуру «неформалиста»³¹ Б. Линдхагена из шведского апелляционного суда. После этого можно было не сомневаться, где в первую очередь будут использованы посмертные капиталовложения А. Нобеля. В частности, «Бофорс» пользовался ими весьма существенно. Добавим также, что высокое предназначение фонда Нобелевских премий не помешало аккуратному взиманию с него (вплоть до 1947 г.) государственных шведских налогов, в общей сложности составивших свыше 13,5 млн. шведских крон. Деньги Нобелевского фонда вложены и в доходные промышленные и земельные предприятия, и в целевые займы, а остальные хранятся в виде государственных облигаций³².

В архивах СССР имеются документы, свидетельствующие о том, что Р. Сульман, организовав с 1897 г. механизм распределения Нобелевских премий, в том числе выделение части средств на премии за укрепление мира, одновременно вел дела, прямо направленные на повышение прибылей «Бофорса». Эти прибыли поступали частично и за счет бюджета российского военного ведомства. Как известно, глава российской ветви Нобелей Э. Нобель имел налаженные связи и с царской администрацией, и со шведским капиталом. Иначе говоря, фонд Нобелевских премий, созданный с самого начала при решающей роли средств, извлеченных из народного хозяйства России, продолжал частично пополняться за счет тех же денег и в дальнейшем, особенно благо-

²⁸ E. Bergengren. Op. cit., p. 146.

²⁹ N. K. Ståhle. Op. cit., p. 11.

³⁰ «Svenska män och kvinnor». Т. 7. Stockholm. 1954, s. 121; «Vem är det». Stockholm. 1973, s. 914.

³¹ E. Bergengren. Op. cit., p. 142.

³² «Alfred Nobel och Nobelprisen». Stockholm. 1974, s. 3.

даря взаимосвязям между российским и шведским капиталом в пределах обеих ветвей нобелевской промышленной династии.

Российское руководство нобелевского нефтяного концерна, как указывалось выше, не воздвигало особых препятствий к осуществлению пункта завещания относительно передачи накопившихся у него в России капиталов из российской нефтяной промышленности в фонд Нобелевских премий. Эта передача и в самом деле не вызывала никаких катастрофических последствий для «Бранобеля». Тем не менее извлечение многомиллионных сумм из хронически страдавшей от недостатка капиталовложений российской нефтепромышленности оказалось для экономики России не безобидным: период изъятия средств совпал с важным переворотом в энергетике, начавшимся после изобретения и выхода на мировую арену двигателей внутреннего сгорания с их в 5 раз более высоким коэффициентом полезного действия, чем у паровых машин. Приобретая в феврале 1898 г. у Р. Дизеля патент на изобретение двигателя «дизель» за 800 тыс. марок, «Бранобель» по ряду причин наладил производство дизелей лишь в ограниченном масштабе. Одна из них заключалась в отвлечении средств в фонд Нобелевских премий как раз тогда, когда от нобелевского концерна потребовались немедленные крупные капиталовложения в новую отрасль производства.

Итак, возможность появления Нобелевских премий возникла вследствие не только личной воли завещателя, а и в связи с уникальным совпадением ряда факторов различного масштаба. Материальную базу для выплаты премий создал рост того капитала, который был вложен А. Нобелем в хищническую эксплуатацию российских нефтяных богатств. И вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции российская ветвь нобелевской промышленной династии сохраняла существенное, хотя и закулисное, влияние на выдачу Нобелевских премий (видимо, в порядке неписаной компенсации за ущерб, нанесенный российской нефтепромышленности изъятием из нее крупных средств). В ЛГИА сохранился рукописный подлинник послания, с которым обратился Р. Дизель в 1912 г., незадолго до своей трагической гибели, к тогдашнему главе «Бранобеля» Э. Нобелю. Письмо с просьбой о присуждении ему Нобелевской премии Р. Дизель направил Э. Нобелю «лично и доверительно», называя нефтяного магната «одним из самых первых покровителей дизельного дела»³³.

Действующий ныне порядок использования фонда Нобелевских премий (внутри которого имеются главный фонд, строительный фонд, организационный фонд, несколько специальных фондов и фондов сбережения), равно как и порядок выдвижения, отбора и утверждения кандидатов, весьма сложны. «Право выдвижения кандидатов принадлежит отдельным лицам, а не учреждениям; это позволяет избежать публичного обсуждения и процедуры голосования»³⁴. Так, по физике и химии правом выдвижения пользуются: шведские и иностранные члены Королевской академии наук в Стокгольме; члены Нобелевского комитета по физике и химии; прежние лауреаты Нобелевской премии по этим наукам; штатные и внештатные преподаватели физики и химии университетов в Упсале, Лунде, Осло, Копенгагене, Хельсинки, Каролинского медико-хирургического института и Королевского института технологии в Стокгольме, а также постоянные преподаватели упомянутых наук в Стокгольмском университете; главы кафедр не менее чем 6 университетов по выбору Королевской академии наук; другие ученые, которых указанная академия сочтет достойными для выдвижения кандидатов.

Порядок выдвижения на Нобелевские премии мира еще более усложнен и расплывчат и открывает возможности для присуждения премий исключительно по усмотрению руководства фонда, которое ясно выражает свои классовые симпатии и антипатии. Формальное право выдвижения кандидатов на Нобелевскую премию мира было присвоено действующим и прежним членам Нобелевского комитета, советникам норвежского Нобелевского института, членам ведомств и парламентских учреждений, в том числе Межпарламентского союза, членам Международного суда в Гааге, членам руководства так называемого Бюро мира в Берне, членам Академии международного права в Гааге, университетским профессорами по политическим наукам, истории, философии и юриспруденции, всем прежним лауреатам Нобелевской премии мира. Комитет рассылает каждую осень примерно 800 персональных приглашений с просьбой принять участие в

³³ ЛГИА, ф. 1258, оп. 2, д. 269, л. 201.

³⁴ E. V e g g e n g e n. Op. cit., p. 211.

выдвижении кандидатов на премию. В ответ он получает (обязательно не позже 1 февраля следующего года) от 18 до 182 обоснованных предложений. Далее все зависит от совещающегося осенью в обстановке полной секретности комитета в составе 5 человек.

Небезынтересно отметить, что комитет стортинга по присуждению Нобелевских премий мира с самого начала был под влиянием тех элементов норвежского общества, интересы которых тесно связаны с соответствующими кругами США и Англии, и внутри комитета сложились достаточно определенные традиции. Не случайно на пост его председателя с 1901 по 1931 г. непрерывно избирался Х. Хорст, прославившийся пропагандой в пользу увеличения военных бюджетов. Под стать ему и такой член комитета, как Й. Лёвланд³⁵. Другой устойчивой традицией этого комитета стортинга стало наличие в его составе профессиональных военных, зачастую являвшихся также крупными бизнесменами. В числе первых деятелей такого типа был Б. Бродланд, майор и лесопромышленник. Чаще всего для подобных членов комитета характерна связь с американским и английским капиталом, судоходными и страховыми компаниями, международными межпарламентскими организациями. Все они являлись также сторонниками так называемой свободной торговли.

Показательно большое количество Нобелевских премий мира, выданных американским и английским государственным деятелям, которые не имели никакого отношения к укреплению мира, в частности президентам США — творцу политики «большой дубинки» Т. Рузвельту; В. Вильсону, вынашивавшему планы свержения Советской власти; лидеру британских «твердолобых» О. Чемберлену; известному своим планом возрождения германского милитаризма в 1920-е годы вице-президенту США Ч. Дауэсу; выступавшему против признания СССР американскому государственному деятелю Ф. Келлогу и т. д. Лишь немногие истинные борцы за мир и дружбу между народами, такие, как Фритьоф Нансен, Альберт Швейцер, Мартин Лютер Кинг, попали в число лауреатов премии мира. После Великой Октябрьской социалистической революции в члены комитета по присуждению Нобелевских премий мира допускались преимущественно такие деятели, которые зарекомендовали себя как антисоветски настроенные. А со времен «холодной войны» стала складываться система, рассчитанная в принципе на герметичное закрытие доступа к Нобелевским премиям мира для подлинных сторонников мира и дружбы между народами.

Потепление международного климата в связи с разрядкой напряженности и ростом сил социализма побудило норвежский орган по награждению премиями мира прибегать иногда к маневрированию вроде присуждения Нобелевской премии мира одному из представителей демократического Вьетнама, боровшегося против американской агрессии, пополам с государственным секретарем США, что явно было рассчитано на отказ вьетнамского кандидата от получения премии. Присуждение Нобелевской премии мира за 1975 г. А. Д. Сахарову явилось логическим выражением все той же ставки на хитроумные и недостойные комбинации антисоветского характера. Реакционный американский сенатор Г. Джексон, претендующий на то, чтобы заставить Советский Союз «платить» за разрядку идеологическими уступками, не случайно восхвалял Сахарова как «поборника прав человека» за весь диапазон его «гуманизма» — от сочувствия чилийскому диктатору Пиночету и гитлеровскому военному преступнику Гессу до оправдания израильской агрессии против арабских народов и сетований на якобы «недостаточную решительность и последовательность» американских милитаристов во время их военных действий против героического вьетнамского народа. «Присуждение премии Сахарову, — признавал шведский журнал «Пакс», — нельзя расценить иначе, как вклад в военные приготовления, а не в дело укрепления мира. Нобелевский комитет действует как орган НАТО, служащий целям западной пропаганды»³⁶. Сообщая об этом премировании, иллюстрирующем тенденцию в некоторых западных кругах к возрождению духа «холодной войны», советская печать отмечала: «Несомненно одно — одарив Сахарова Нобелевской премией, империалистическая реакция сделала политический жест, который свидетельствует о стремлении разжигать антисоветизм и саботировать процесс упрочения международного мира»³⁷.

³⁵ O. J. Fa!nes. Op. cit., p. 212.

³⁶ Цит. по: «Правда», 7.XII.1975; «Известия», 11.XII.1975.

³⁷ «Литературная газета», 15.X.1975.

Председателем комитета стортинга по присуждению Нобелевских премий мира (в его составе — 5 действительных членов и 3 кандидата) является О. В. Лионес, избранная на этот пост в 1973 г.³⁸ на обычный для комитета шестилетний срок. Ранее эта деятельность возглавляла лагтинг — верхнюю палату норвежского стортинга. Эту палату парламент избирает из своей среды, по численности членов она составляет четверть стортинга, а по их взглядам выделяется влиянием антисоветских элементов. Вице-председателем комитета был избран в 1970 г. Б. Ингвалдсен³⁹, который в течение нескольких лет возглавлял военную комиссию стортинга, а затем стал его председателем. Он известен также как глава крупных промышленных предприятий и вице-председатель консервативной партии в 1950-е — 60-е годы. Остальные деятели комитета также активно участвуют в деловой и политической жизни Норвегии. Так, доктор юриспруденции С. Линдбрекке⁴⁰ является одновременно видным банковским деятелем и одним из руководителей так называемого Института интеллектуальной свободы; проф. Й. Саннес — автором тенденциозной книги «Советская история 1917—1940 гг.». Секретарем комитета до 1974 г. был А. Шоу, его сменил Т. Гревс. Находящиеся на этом посту лица традиционно совмещают выполнение секретарских функций с должностью директора норвежского Нобелевского института, располагающего солидным постоянным штатом, проводящего разностороннюю пропагандистскую, информационную и научно-исследовательскую работу и расходующего на эту деятельность значительные суммы (в некоторые годы они немногим уступали суммам на премии), включая выдачу целевых субсидий на осуществление поездок, разработок и написание книг. А. Шоу, перу которого принадлежат «История Нобелевских премий мира» и другие издания, — по образованию и опыту работы экономист и коммерсант. Т. Гревс — специалист по современной политической истории, в 1950-е годы был секретарем норвежской делегации в НАТО⁴¹, автор работ о Североатлантическом пакте и норвежском парламенте.

Норвежский Нобелевский институт и непосредственно с ним связанный комитет по присуждению Нобелевских премий мира издавна имеют дополнительные источники поступления денежных средств, в частности за счет фонда Карнеги, американского миллионера, организатора стального треста, пожертвовавшего некоторые суммы на поощрение буржуазных форм благотворительности, филантропии и пацифизма в разных странах. Уже упоминавшийся Х. Хорст с 1911 г. состоял членом наблюдательного совета по использованию фонда Карнеги в Европе. Сравнительно небольшие суммы иногда поступали в фонд Нобелевских премий мира от норвежских промышленников. В период первой мировой войны судоходство нейтральной Норвегии страдало от военных действий на море, главным образом от немецких подводных лодок. Так, за март — апрель 1917 г. Норвегия потеряла суда водоизмещением в 208 тыс. т (в 5 раз больше, чем США) из общемировых потерь в 1,457 млн. тонн. Тем не менее в ходе войны норвежские судовладельцы получали небывалые прибыли ввиду повышенных ставок за фрахты. Тогда-то некоторые крупные норвежские судовладельцы, будучи одновременно в составе Нобелевского комитета, и отдали толику прибылей в пользу фонда Нобелевских премий мира. Один из таких магнатов морского транспорта Б. Хансен нравоучительно заявил в 1916 г., жертвуя 20 тыс. крон, что «те из нас, кто полностью ненавидит войну с ее последствиями, должен был бы жертвовать хотя бы часть своих доходов на дело мира»⁴². Классовая подоплека деятельности подобных «буржуазных филантропов» и «миллионеров-пацифистов» была вскрыта В. И. Лениным еще весной 1915 года⁴³.

Но решающим источником существования фонда Нобелевских премий мира остаются доходы с $\frac{1}{5}$ части общей суммы капитала, завещанного А. Нобелем. По реальной ценности размер Нобелевских премий мира с 1901 г. по настоящее время

³⁸ «Hvem er hvem». Oslo. 1973, s. 345.

³⁹ Ibid., s. 273.

⁴⁰ Ibid., s. 344; «Who's Who in Finance and Industry». 17th Edition, 1972—1973, p. 562.

⁴¹ «Hvem er hvem», ss. 491, 187.

⁴² O. J. Falnes. Op. cit., p. 274.

⁴³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 192—194.

значительно снизился как за счет инфляционных спадов, так и в результате отвлечения Нобелевским институтом части средств фонда Нобелевских премий мира от их непосредственного назначения. Выдача Нобелевских премий мира проводится ежегодно в столице Норвегии Осло, в конференц-зале Нобелевского института. Вручается премия очередному лауреату 10 декабря, в годовщину смерти А. Нобеля, нередко в присутствии одного из членов норвежской королевской фамилии, датской по происхождению. Поскольку выдача премий мира чаще всего производится утром, а выдача всех остальных премий в Стокгольме (обычно с личным участием шведского короля) в послеполуденные часы, — телеграфные сообщения о состоявшейся в Осло церемонии доходят несколько раньше, чем вести об аналогичной церемонии в Стокгольме, и норвежские газетчики прилагают немало усилий, чтобы создать впечатление о первенствующей роли Норвегии в деле вручения Нобелевских премий вообще.

Большая часть премий выдается в Швеции, причем день выдачи отмечается там поднятием государственного флага. Нобелевские премии, присужденные в области науки, давно приобрели международный характер. Возникновение и выдача Нобелевских премий способствовали росту авторитета и влияния шведской науки, культуры и промышленности. Показательно, что в 1968 г. Государственный банк Швеции по случаю своего 300-летия счел целесообразным учредить в честь А. Нобеля дополнительную премию за работы в области экономики, причем эта мемориальная премия стала присуждаться на тех же основаниях и с тем же материальным оформлением (медаль, диплом, денежный чек), как и остальные Нобелевские премии. Размер денежной части Нобелевских премий колеблется от 115 до 510 тыс. шведских крон, в зависимости от доходов Нобелевского фонда в соответствующий период. Нобелевские премии по естественным наукам, присуждаемые в Швеции, распределяются более разносторонне и беспристрастно, чем это делается в Норвегии в отношении Нобелевских премий мира. В первые же годы выдачи премий по физиологии и медицине эти премии получили такие знаменитые русские ученые, как И. П. Павлов и И. И. Мечников. Нобелевские премии по естественным наукам получили также советские ученые Н. Н. Семенов (по химии, 1956 г.), П. А. Черенков, И. М. Франк и И. Е. Тамм (по физике, 1958 г.), Л. Д. Ландау (по физике, 1962 г.), Н. Г. Басов и А. М. Прохоров (по физике, 1964 г.). Премию по экономическим наукам получил за 1975 г. советский ученый Л. В. Канторович.

Более односторонне обстояло дело с премиями по литературе, поскольку допускаемые к присуждению этих премий деятели подвергались строжайшему буржуазно-идеологическому отбору. Традиционно проявлялась тенденция предвзято толковать указание нобелевского завещания о выдаче такой премии за произведение «идеального направления». В 1933 г. Нобелевская премия по литературе была присуждена находившемуся в эмиграции И. А. Бунину. И. А. Бунин — действительно крупный писатель, однако награждение имело определенный умысел: задержать возвращение писателя на родину. Вместе с тем в списке лауреатов Нобелевской премии отсутствуют такие гиганты мировой литературы, как Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. М. Горький. В 1965 г. под давлением прогрессивного общественного мнения и для придания деятельности Комитета по литературным премиям видимости «объективности» Нобелевскую премию по литературе присудили выдающемуся советскому писателю М. А. Шолохову. И тут же одну из последующих премий преподнесли такому злопыхателю и антисоветчику, как А. И. Солженицын. Шумиха вокруг присуждения Нобелевских премий подобным «лауреатам» не случайна. Недаром на XXV съезде КПСС было со всей силой подчеркнута, что «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»⁴⁴.

Распределение Нобелевских премий всех видов является общепризнанной сферой компетенции соответствующих органов двух стран Скандинавского полуострова, несмотря на российское происхождение ключевой части распределяемых средств. Казало бы, не должно оставаться ни малейшего места для какой-либо дискриминации по отношению к представителям Советской страны. Тем не менее реакционные круги всеми силами стараются, не щадя авторитета Нобелевских премий мира и Нобелевских

⁴⁴ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 74.

премий по литературе, превратить их в орудие антикоммунизма и антисоветизма, притом с широким использованием демагогии и беззастенчивых попыток дискредитировать позицию СССР в качестве оплота мира. Это свидетельствует о том, что выполняется определенный социальный заказ, принципиальные контуры которого начали складываться многие десятилетия назад. Ведь показная филантропия и лживый буржуазный пацифизм издавна были призваны маскировать от широких народных масс человеконенавистническую сущность эксплуататорского капиталистического строя. Эти стороны распределения Нобелевских премий мира принимают временами настолько вопиющий характер, что вызывают протесты со стороны мировой, в том числе скандинавской, общественности. Так, критикуя присуждение Нобелевской премии мира за 1975 г., один из скандинавских журналов высказал мнение, что необходимо изменить состав комитета, освободить его от губительного влияния политиканов и поручить задачу присуждения Нобелевских премий независимым деятелям движения за мир⁴⁵. Вопрос о войне и мире — основной вопрос современности — стал в наш век слишком серьезным, чтобы позволительно было делать его предметом недостойной игры с чьей бы то ни было стороны.

---

⁴⁵ «Правда», 7.XII.1975; «Известия», 11.XII.1975.